

УДК 327

**БОЛГАРСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР 1940 – МАРТ 1941 г.
(по страницам документов)**

Я.Я. Гришин

Аннотация

Статья посвящена советско-болгарским отношениям. Отмечается стремление СССР к сближению двух стран. Выявлены особенности внешней политики Болгарии, приведшей ее в лагерь фашистской Германии.

Ключевые слова: Болгария, СССР, Южная Добруджа, Молотов, Лаврищев, Попов.

Обращение автора к теме советско-болгарских отношений связано с пересмотром истории периода накануне Второй мировой войны во всех бывших социалистических странах, в том числе и в Болгарии. Прежняя версия о «монархическом режиме, заключившем союз с Гитлером вопреки воле народа» больше не рассматривается. Вместо этого появляются различные объяснения наподобие того, что «у страны не было другого выхода». Анализ документов доказывает факт добровольного вступления Болгарии в союз с фашистской Германией (см. [1–7]).

После поражения Польши советское руководство обращает пристальное внимание на Балканы и в частности на Болгарию, стремясь к сближению с ней.

4 января 1940 г. в Москву прибывает болгарская торговая делегация во главе с министром финансов Д. Божиловым, которую принял глава советского правительства и нарком иностранных дел В.М. Молотов (Д, док. 1, с. 13–14). В ходе переговоров 5 января 1940 г. состоялось подписание советско-болгарского договора о торговле и мореплавании сроком на три года (Д, док. 6, с. 14–23), который Москва ратифицирует 3 февраля 1940 г. Подписывается также соглашение о товарообороте и платежах на 1940 г.

Основу советского товарооборота составляли: по импорту – свинина, рис, кожевенное сырье, табак, розовое масло; по экспорту – хлопок, нефтепродукты, черные металлы, сельскохозяйственные машины, химикалии, удобрения, целлюлоза (В, с. 22).

«Заключив с Болгарией торговые соглашения, советская сторона вскоре предприняла дальнейшие шаги по развитию с ней экономических отношений. 3 марта 1940 г. нарком внешней торговли СССР А.И. Микоян направил советскому торгпреду в Софии телеграмму: “Правительство разрешило участие Наркомвнешторга на выставке в Пловдиве. Сообщите об этом болгарскому правительству и администрации выставки. Наша Торговая палата готовит экспонаты к выставке. Срочно договоритесь о нашем павильоне”. 15 марта 1940 г. А.И. Микоян

телеграфировал торгпреду еще одно указание: “Продажа и поставка советских товаров в Болгарию идет быстро, закупка же болгарских товаров и их поставки в СССР фактически не начались. Это неизбежно приведет к образованию больших сумм замороженных средств. Поэтому предлагаю вам усилить свою работу по закупкам болгарских товаров и по скорейшему завозу в СССР”» (Д, прим. 4, с. 746–747).

В конце 1940 г., как сообщил полпред СССР в Болгарии А.А. Лаврищев, болгарское правительство представило предварительный план товарооборота с СССР в 1941 г. (импорт из СССР в млн. левов): нефтепродукты – 102; чугун – 15; железо разное – 29; химические продукты, преимущественно медный купорос и удобрения – 71; сельскохозяйственные и прочие машины – 25; автомобили легковые и грузовые – 36; соль каменная – 20; медикаменты – 10; хлопок – 200; соленая рыба – 10; шерсть – 50; необработанные шкуры крупного рогатого скота – 80; подошвенная кожа – 80; юфть – 50; рыбий жир – 2; никель или никелевый сульфат – 10; алюминий – 10; разное – 9; всего – 800 (Д2, док. 617, с. 251).

Экспорт в СССР в млн. левов: табак – 250; необработанные шкуры – 150; свиньи – 100; рис – 40; семена разные, кроме люцерны, – 5; розовое масло – 10; вино – 10; виноград, плоды, овощи – 50; переработка советского хлопка – 150; разное – 35; всего – 800.

Кроме торговых связей, развиваются отношения и в сфере культуры. По словам советского полпреда в Софии А.И. Лаврентьева, болгарский народ проявляет большую симпатию к Советскому Союзу, в том числе к его культуре. Эта симпатия выражается в самых разнообразных формах:

«а) в Болгарии ежедневно расходуется 9–10 тыс. экземпляров советской газеты “Известия”.

б) 26 советских фильмов демонстрируются сейчас в кинотеатрах разных городов Болгарии. Советские фильмы – самые популярные фильмы в стране. Публика встречает их восторженно. Каждый новый фильм бывает на экране в одном театре 2–3 недели, а некоторые и больше, например, “Парад молодости” демонстрировался в Софии 7 недель.

в) Советская оперетта “Свадьба в Малиновке”, освещающая эпизод из гражданской войны в нашей стране, пользуется громадным успехом, несмотря на то, что она поставлена софийским театром хуже, чем московским, как по музыкальному, так и художественному исполнению» (Д, док. 4, с. 12).

Наблюдаются подвижки в области спорта. 6–17 августа 1940 г. в Болгарии находилась первая советская спортивная делегация, что «символизировало спортивное сближение двух народов». В рамках визита состоялось два футбольных матча «Спартак» с болгарскими командами (Д, прим. 161, с. 610).

Руководитель советской спортивной делегации, секретарь ЦК ВЛКСМ Н.Н. Романов в рапорте В.М. Молотову от 21 августа 1940 г. отмечал «исключительно большую симпатию болгарского населения к Советскому Союзу, выражаемую и подчеркиваемую очень ярко во время пребывания советских футболистов в Болгарии» (Д, прим. 161, с. 610). Ответный визит болгарской сборной футбольной команды в СССР состоялся в сентябре 1940 г. (Д, прим. 161, с. 610).

Советский Союз был единственной великой державой, ставшей на защиту справедливых национальных интересов болгарского народа, в частности, при

урегулировании в 1940 г. спора с Румынией о Южной Добрудже. Как известно, эта территория отошла румынам по Нейскому мирному договору [8].

Болгария стремилась вернуть себе данную область, ведя переговоры с Бухарестом в г. Крайова. Вначале они были безрезультатными. Об этом, например, свидетельствует беседа в Румынии советского полпреда Лаврентьева с болгарским дипломатом Чомаковым. Последний указал, «что после его приезда в Румынию вопрос о возвращении Добруджи остался на том же месте, где он был и раньше, несмотря на то, что вначале, после его приезда, ему делались некоторые заявления о необходимости предварительного обсуждения этого вопроса или о необходимости отложить его до окончания войны в Европе и т. п. В настоящее время, разумеется, ему таких заявлений не делают, и при теперешней обстановке от румынских правительств, столь быстро сменяющих друг друга, ждать чего-либо хорошего не приходится. Наоборот, положение болгарских крестьян в Добрудже все время ухудшается, и провокации со стороны местных румынских властей и румын-колонистов учащаются в связи с введением военного положения и последними событиями. Чомаков опасается, что это положение может вызвать неприятную реакцию со стороны болгар, ибо они чувствительный народ» (Д, док. 256, с. 424).

Премьер-министр Болгарии И. Попов во время беседы с поверенным в делах СССР в Царстве Болгарском А.А. Лаврищевым также выразил беспокойство по поводу возможных трудностей в разрешении спорных вопросов с Румынией. Вместе с тем он весьма радушно высказался о речи В. Молотова, которая была напечатана полностью во всех утренних болгарских газетах, и просил передать Молотову благодарность за заявление о позиции Советского Союза по отношению к Болгарии и за сказанные Молотовым в докладе слова о советско-болгарских отношениях. Одновременно просил передать советскому правительству, что Болгария в своих переговорах с Румынией хочет рассчитывать на его моральную поддержку (Д, док. 296, с. 471).

Не без помощи советской стороны Румыния склоняется к передаче Южной Добруджи Болгарии. Как сообщал И. Попов А.А. Лаврищеву, «Румыны соглашаются освободить Южную Добруджу к 10 октября, а болгары предлагают к концу сентября. Румыны предлагали обязательный обмен населением, а болгары – добровольный. Сейчас румыны сделали маленькую уступку и выдвигают обязательное переселение для всех болгар, и для румын – только жителей Добруджи. Болгары, в свою очередь, предлагают добровольный принцип не только для северной и южной границ, а и для всех других районов. Румыны еще не назвали суммы денежных претензий. Попов боится, что она будет астрономической. По его неофициальным сведениям, эта сумма будет частью румынского госдолга, пропорционального переходящей к Болгарии территории, примерно 10 миллиардов лей. Болгарское правительство не согласно платить эту сумму. По этим вопросам еще нет соглашения» (Д, док. 342, с. 539).

В конечном итоге 7 сентября 1940 г. болгаро-румынские переговоры заканчиваются подписанием соответствующего договора.

«10 сентября болгарский посланник Стаменов посетил председателя Совнаркома СССР и Наркоминдела Молотова и передал благодарность правительства Болгарии правительству СССР за моральную поддержку, оказанную Советским

правительством Болгарии в разрешении вопроса о Южной Добрудже. В. Молотов выразил удовлетворение заявлением Стаменова» (Д, док. 371–372, с. 590–591).

Болгарская сторона позитивно реагирует на заключение Советским Союзом мирного договора с Финляндией (Д, док. 80, с. 152).

Наряду с положительными моментами в двусторонних отношениях появляются и негативные. Болгары не идут на заключение с СССР конвенции в сфере культуры. Министр просвещения Болгарии Филов в ходе встречи с А.И. Лаврентьевым вроде бы дал понять, что болгарское правительство в принципе не возражает против подписания данного документа, но при этом «предупредительно заметил, что нецелесообразно в конвенцию включать пункт о создании русских школ в Болгарии, как это предусмотрено другими конвенциями в отношении французских и итальянских школ» (Д, док. 4, с. 12).

Более того, болгары идут на свертывание культурного обмена. В первую очередь это коснулось кино. В 1940 г. СССР продал Болгарии 50 копий художественных и 66 хроникально-документальных фильмов на сумму около 60 тысяч американских долларов. По цензурным и другим условиям 14 художественных и 18 хроникально-документальных фильмов на экраны не вышли.

С января 1941 г. прокат советских фильмов в Болгарии вообще был запрещен. Руководитель одной из прокатных фирм «Мосфилко» Костов был арестован (Д, док. 685, с. 412–413).

Неприятным был инцидент во время второго матча «Спартака» с софийской сборной. Как записал в своем дневнике А.А. Лаврищев, «Матч оставляет впечатление, что полиция пыталась инсценировать отсутствие интереса софийских граждан к советскому спорту и отсутствие симпатии болгарского народа к Советскому Союзу. 40% мест стадиона были свободны, в то время как многие находились вне стадиона за усиленным полицейским оцеплением. Люди заполняли крыши зданий. По некоторым сведениям, на стадион организованно явились члены профашистских националистических организаций: “Ратники”, “Легионеры” и “Студенческий национальный союз”. В первом тайме публика неодобрительными криками сопровождала блестящую игру наших футболистов и приветствовала грубую несовершенную игру болгар. На матче присутствовал Попов. В первом тайме Попов вступил в разговор со мной. Вид у него был расстроенный. Попов обратился ко мне со словами: “Я не могу понять, что случилось с нашей публикой?” Я сказал Попову, что мне это тем более непонятно, я не могу себе объяснить наличие свободных мест, в то время как за барьером стадиона и на крышах домов находится много народа, а поведение публики на стадионе многим отличается от поведения на первом матче. Попов извинился за то, что он не может посмотреть матч до конца, и, сославшись на свою занятость, покинул стадион после первого тайма. У меня сложилось впечатление, что Попов был обескуражен грубостью полицейских инсценировок и поэтому ушел со стадиона. Во втором тайме поведение публики несколько изменилось. Прекрасная игра советских футболистов расположила к ним даже эту подобранную полицией “публику”. По окончании матча несколько сот человек бросились со своих мест на футбольное поле поздравить советских футболистов. Полиция тут же производила аресты» (Д, док. 322, с. 513).

Но самое неприятное было еще впереди. Советский Союз, стремясь оказать поддержку Болгарии, предпринял очередной серьезный шаг. Как только стало известно о том, что фашистская Германия намеревается включить Болгарию в сферу своего влияния, советское правительство 19 ноября 1940 г. предложило Софии заключить Пакт о дружбе и взаимопомощи.

Болгарская сторона в устной и письменной форме передала следующее: «Внешняя политика Болгарии всегда вдохновлялась дружбой к Советскому Союзу, и не было случая, чтобы Болгария действовала против интересов последнего. Нечто большее: Болгария отвергла попытки, сопровождавшиеся соблазнительными обещаниями, предпринятыми после мировой войны некоторыми державами Соглашения с тем расчетом, чтобы толкнуть Болгарию против Советской России. С другой стороны, болгарская внешняя политика руководствовалась миролюбием и никогда не была нарушена. Болгарский народ понес много жертв в ряде войн за свое объединение и понес столько потерь при заключении мира и столько страданий в последние годы, что обязанностью каждого Болгарского правительства является предохранение своего народа от любого шага, который бы причинил ему новые испытания. Правда, национальные интересы Болгарии были сильно ущемлены Мирным договором и Болгария хочет, чтобы были исправлены эти несправедливости, но только мирным путем и мирными средствами. В этом отношении имеется хороший пример – разрешение вопроса о Южной Добрудже.

Исходя из вышеизложенных основных положений, Болгарское правительство внимательно изучило предложения, переданные 25 ноября сего года через г. Соболева, а также [предложение] врученное в письменном виде министру иностранных дел 25-го того же месяца и которое в ответ на обязательства Советского Союза поддержать притязания Болгарии в Западной Фракии и помочь ей в случае угрозы или нападения на нее третьей страны предусматривает обязательства Болгарии оказать помощь Советскому Союзу в случае реальной угрозы его интересам в Черном море и Проливах.

Болгарское правительство польщено вниманием, которое ему оказывается со стороны СССР, и благодарит за доверие, выраженное ему в данном случае. Это еще больше его обязывает открыто и лояльно изложить заключение, к которому оно пришло в результате изучения предложения.

Болгария имеет национальные интересы в Западной Фракии, но она не думает их осуществить силой оружия. Она считает эти интересы настолько справедливыми во всех отношениях, что может рассчитывать на поддержку всех тех, которые стремятся к справедливому урегулированию отношений между народами в будущем. Болгария искренне рада, что по этому вопросу имеет заверение и советского правительства, переданное через своего посланника в Софии 6 июля этого года.

Правительство благодарит за сведения относительно намерений Турции оказать вооруженное сопротивление проникновению Болгарии на юг. Эти намерения ему известны, но они не представляют непосредственной опасности для Болгарии, т. к. она не собирается идти на юг при помощи оружия. С другой стороны, мы имеем самые категорические заверения турок (такие заверения мы получили в самое последнее время, почти одновременно с предложением СССР),

что военные приготовления во Фракии имеют только оборонительный характер. При этом положении едва ли можно сомневаться, что Турция может почувствовать непосредственную угрозу в результате подписания пакта взаимной помощи между Советским Союзом и Болгарией, т. к. турки, вероятно, остались бы при убеждении, что он направлен против них, и мы опасаемся, как бы при существующей сегодня напряженности не усилилась опасность столкновения, которого мы хотим избежать и которого, мы не сомневаемся, не желает Советский Союз. Болгарскому народу, миролюбие которого правительство учитывает, и болгарскому парламенту было бы трудно понять и принять обязательства, предусматривающие вмешательство Болгарии в разрешение такого большого вопроса, как вопрос о Проливах, на которые не распространяются интересы нашей маленькой страны. Наконец, Болгарское правительство, как уже сообщило Правительству СССР, обсуждает вопрос о трехстороннем пакте. В переговорах с Германией по этому вопросу занята известная принципиальная позиция еще до получения предложений СССР. Поэтому включение Болгарии в переговоры о другом пакте бросило бы тень на лояльность Болгарии и не только бы огорчило дружественную нам и Советскому Союзу страну, но даже могло бы вызвать ее основательные подозрения. По этому поводу Болгарское правительство должно заявить, что обсуждает вопрос о присоединении к трехстороннему пакту, учитывая основные идеи, на которых он покоится и которые имеют целью прежде всего избежать расширения войны, установить новый порядок, при котором каждый народ может иметь полагающееся ему место. Таким путем создается общность интересов, при которой национальные вопросы и споры между отдельными членами могут легко найти разрешение мирным путем и с содействием всех. В связи с этим Болгарское правительство с удовольствием приняло сообщение о том, что и Правительство Советского Союза ставит вопрос о возможном присоединении к трехстороннему пакту, которое нам кажется наилучшим разрешением вопроса, потому что в этом случае поведение Болгарии не могло быть истолковано как противоречащее интересам Советского Союза.

Откровенно изложив все эти соображения, Болгарское правительство надеется, что они будут справедливо оценены, и убеждено, что эта лояльная политика Болгарии будет содействовать усилению существующих между двумя странами дружественных отношений» (Д2, док. 564, с. 158–159).

На следующий день А.А. Лаврищев шлет еще одно сообщение в Москву: «1. В беседе с Поповым я заявил, что должен обратить его внимание на недопустимость того, что предложения Советского правительства, переданные Болгарскому правительству в секретном порядке, просочились и стали достоянием посторонних лиц. Попов начал меня уверять, что в этом повинно не Болгарское правительство, а болгарская компартия, которая еще задолго до предложений Советского правительства писала листовки и лозунги с призывом к заключению пакта взаимопомощи с СССР. Он говорил, что разглашение этой тайны не является интересом правительства, что правительство уже теперь получает массу писем и телеграмм с просьбой о заключении пакта взаимопомощи с СССР. Я ответил Попову, что не могу входить в детали чисто внутреннего болгарского вопроса о том, кто именно первый в Болгарии раскрыл государственную тайну, но мы хотели бы, чтобы впредь не повторялись такие случаи нарушения секретности.

2. После этого заявления Попов передал в устном и письменном порядке ответ Болгарского правительства на предложения Советского правительства. Он особенно подчеркнул отсутствие угрозы и опасности для Болгарии, т. к. она не собирается осуществлять свои национальные интересы при помощи оружия. Он также подчеркивал отсутствие интереса Болгарии к Проливам и возможность нарушения ее мира и спокойствия в связи с заключением пакта с Советским Союзом. Я заметил, что пакт как раз предусматривает обратное, т. е. сохранение мира и спокойствия Болгарии. По его словам, парламент и болгарский народ не одобряют пакт, предусматривающий военные обязательства. Попов несколько раз повторил, что маленькая Болгария не может вмешиваться в разрешение больших международных вопросов. Отказ от советских предложений пакта взаимопомощи мотивировал еще тем, что Болгария уже вступила в переговоры о присоединении к трехстороннему пакту, добавил при этом, что и Советское правительство обсуждало в Берлине вопрос о возможности присоединения СССР к пакту трех. Я ему категорически заявил, что этот вопрос в Берлине не обсуждался. Я спросил Попова, в какой стадии сейчас находятся переговоры о присоединении Болгарии к пакту трех. Он ответил, что подписание этого пакта временно отложено до окончательного изучения идей пакта Болгарским правительством. По словам Попова, Болгарское правительство в принципе не возражает против пакта трех, ибо он предусматривает ликвидацию несправедливости, созданной первой мировой войной, и в будущем мирное разрешение вопросов между различными странами. Попов просил меня передать Вам, что их отказ от советских предложений не должен рассматриваться как проявление недружественных отношений к Советскому Союзу. Он уверял, что, не заключая пакт с СССР, Болгария по мере сил будет охранять его интересы. Мной было сказано Попову, что я постараюсь как можно точнее передать его заявление Советскому правительству. Мне кажется, что Болгарское правительство сейчас постарается быстрее присоединиться к пакту трех. Видимо, оно свой ответ согласовало с немцами» (Д2, с. 160–161).

Как видим, предложения советского правительства болгары отклоняют и пытаются в очередной раз объяснить свои мотивы. Так, 18 декабря Попов устно заявил А.А. Лаврищеву: «Болгарское правительство внимательно рассмотрело заявление Советского правительства и пришло к выводам:

1. Советское правительство не совсем точно поняло мотивы отклонения его предложения Болгарскому правительству. Болгарское правительство не думало и не думает, что Советский Союз имеет намерение втянуть Болгарию в войну, оно считает, что независимо от хороших стремлений Советского правительства заключение пакта с СССР может изменить существующее равновесие, ухудшить отношения Болгарии с другими странами и объективно усилить угрозу нападения на Болгарию.

2. Болгарское правительство считает, что в случае заключения пакта взаимопомощи с СССР или принятия советских гарантий всякий удар, направленный против СССР, обрушится прежде всего на Болгарию, так как Советский Союз менее уязвим, чем Болгария.

3. В силу вышеизложенного Болгарское правительство считает, что заключение пакта с Советским Союзом усилило бы угрозу военного нападения на

Болгарию и было бы лишним грузом для самого СССР. По мнению Болгарского правительства, в интересах Болгарии и Советского Союза сохранить Болгарию именно в таком положении, в каком она существует сейчас, то есть не связывать ее никакими пактами.

Болгарское правительство надеется, что будущая мирная конференция с помощью Советского Союза удовлетворит национальные стремления Болгарии».

«Попов просил меня передать его заявление советскому правительству и попросить его рассматривать это заявление не только логически, но и душевно. Он уверял, что после окончания войны советское правительство убедится в правильности позиции болгарского правительства», – пишет А.А. Лаврищев (Д2, док. 597, с. 211).

Принятие Болгарией советских предложений могло бы серьезно связать руки фашистской Германии на Балканах, укрепило бы безопасность страны и сказало бы на всей обстановке в этом районе Европы. По сути, правящие круги Болгарии продолжали втягивать свою страну в войну на стороне гитлеровской Германии.

В последующие месяцы советское правительство продолжало выступать в защиту интересов болгарского народа и разоблачать происки гитлеровской Германии, о чем свидетельствует заявление ТАСС от 13 января 1941 г.:

«В иностранной прессе распространяется сообщение со ссылкой на некоторые круги Болгарии как на источник информации, что в Болгарию уже перебросена некоторая часть немецких войск, что переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР, что на запрос болгарского правительства о пропуске немецких войск в Болгарию СССР ответил согласием.

ТАСС уполномочен заявить, что:

1. Если немецкие войска в самом деле имеются в Болгарии и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то все это произошло и происходит без ведома и согласия СССР, так как германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию.

2. В частности, болгарское правительство никогда не обращалось к СССР с запросом о пропуске немецких войск в Болгарию, и, следовательно, не могла получить от СССР какой-либо ответ» (ВП, с. 538–539).

Тем временем болгарское руководство идет на сближение с Германией. 28 февраля 1941 г. Генеральный секретарь МИД Болгарии Шишманов сообщил советскому полпреду А.А. Лаврищеву: «В течение некоторого времени, как Попов уже сообщал, велись переговоры о присоединении Болгарии к пакту трех. Сегодня министерский совет решил подписать соглашение о присоединении Болгарии к трехстороннему пакту. Подписание этого соглашения состоится завтра в Германии. Болгарское правительство при подписании этого пакта исходит из того, что пакт является инструментом мира. Болгарское правительство считает, что присоединение к пакту трех не помешает ему поддерживать и развивать хорошие отношения с СССР и с соседними странами. Оно просит уверить в этом советское правительство. Аналогичное заявление поручено сделать Стаменову в Москве, что и будет сделано сегодня вечером» (Д2, док. 694, с. 427).

А.А. Лаврищев при разговоре заметил, «что в заявлении имеются неточности, что Попов никогда не делал определенных заявлений о намерениях Болгарии присоединиться к пакту трех. Он говорил об этом однажды, между прочим, и весьма неопределенно» (Д2, док. 694, с. 427).

О факте присоединения Болгарии к тройственному пакту В. Молотову в этот же день сообщил Ф. Шуленбург (Д2, док. 694, с. 427).

1 марта в Вене болгарский представитель подписывает протокол о присоединении его страны к фашистскому «пакту трех».

В этот же день начальник политического отдела МИД Алтынов по поручению болгарского правительства передал А.А. Ларищеву следующее заявление для сообщения советскому правительству: «Германское правительство спросило согласие болгарского правительства на вступление немецких войск в Болгарию, заявив, что эта мера является временной и имеет своей целью сохранение мира на Балканах. Германское правительство не поставило перед Болгарией никаких условий, противоречащих болгарской миролюбивой политике, которую болгарское правительство будет продолжать и впредь, оставаясь верной принятым договорным обязательствам, воздерживаясь от какого-либо вмешательства в войну и от всего того, что могло бы угрожать чьим бы то ни было интересам.

Сообщая вышеизложенное правительству СССР, болгарское правительство надеется, что поведение Болгарии будет хорошо понято, и болгарское правительство снова заявляет, что оно особенно стремится к дружественным связям с СССР, которые болгарское правительство решило поддерживать и развивать в интересах обеих стран.

Перед тем как дать согласие на пропуск немецких войск, болгарское правительство постаралось выяснить намерения Германии по отношению соседей Болгарии, с которыми она имеет договоры о дружбе, и оно получило ответ, что Германия не имеет никаких враждебных намерений ни против Турции, ни против Югославии.

Болгарское правительство верит, что пребывание немецких войск в Болгарии является временной мерой и не ухудшит ее отношений с СССР, которые Болгария считает постоянным элементом своей внешней политики».

«Я заметил, – пишет А.А. Лаврищев, – что в декларации не сказано, дало ли болгарское правительство согласие на вступление немецких войск или нет, что в декларации только говорится о вопросах немецкого правительства к болгарскому и болгарского к немецкому.

Алтынов заявил, что ответом на этот вопрос в известной мере является наличие немецких войск в Болгарии. В декларации ничего не говорится об ответе болгарского правительства, говорил Алтынов, потому что этот вопрос — деликатный. Болгарское правительство не могло ни соглашаться, ни не соглашаться. Оно вроде как бы было принуждено пропустить немецкие войска. Алтынов затрудняется дать определенный ответ на этот вопрос и должен будет, как он заявил, предварительно запросить болгарское правительство.

Алтынов сказал, что Стаменов уже в течение двух дней не может установить контакт с руководителями НКВД.

Я заметил, что мне ничего не известно по этому поводу.

Дополнительно Алтынов сообщил мне: “Следует передать Советскому правительству, что Болгарское правительство дало согласие на вступление немецких войск в Болгарию”.

Я сказал: “Я передам в НКВД декларацию вместе с этим дополнением, но я не знаю, как примет ее Советское правительство. По моему личному мнению, эта декларация слишком запоздала и сообщает то, что уже несколько дней тому назад стало свершившимся фактом”» (Д2, док. 701, с. 441–442).

«3 марта заместитель Народного комиссара иностранных дел т. Вышинский А.Я. передал болгарскому Посланнику Стаменову ответ следующего содержания:

В ответ на сообщение Болгарского правительства, переданное 1 марта с. г. через Полномочного представителя СССР в Болгарии Лаврищева А.А. представителем Министерства иностранных дел Болгарии г-ном Алтыновым, о том, что Болгарское правительство согласилось на ввод в Болгарию германских войск и что эта акция преследует мирные цели на Балканах, Советское правительство считает нужным заявить, что:

1. Советское правительство не может разделить мнение Болгарского правительства о правильности позиции последнего в данном вопросе, так как эта позиция, независимо от желания Болгарского правительства, ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии;

2. Советское правительство, верное своей политике мира, не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку Болгарскому правительству в проведении его нынешней политики.

Советское правительство вынуждено сделать настоящее заявление особенно ввиду того, что в болгарской печати свободно распространяются слухи, в корне извращающие действительную позицию СССР» (Д3, док. 705, с. 448).

Как свидетельствуют приводимые документы, Советский Союз в рассматриваемый период делал все от него зависящее, чтобы отношения с Болгарией развивались в духе взаимности. Однако ее руководство осенью 1940 г. все более склоняется к сближению с фашистской Германией. Оно отвергает советское предложение о заключении Пакта о дружбе и взаимной помощи и пытается скрыть этот факт от народа. Более того, вопреки национальным интересам своей страны, 1 марта 1941 г. премьер-министр Б. Филов подписывает в Вене протокол о присоединении Болгарии к Берлинскому пакту трех агрессоров – Германии, Италии, Японии. Уже на следующий день германские войска вступают на болгарскую землю, используя ее как плацдарм для нанесения ударов по Югославии и Греции. По требованию Гитлера болгарские войска оккупировали часть территории этих стран, высвободив значительное количество немецко-фашистских войск для действий на других фронтах. Вступив в союз с Германией, Болгария стала соучастницей агрессивной войны фашистского блока.

Если бы Болгария пошла на сближение с Советским Союзом, подписав с ним дружественный договор, события могли бы развиваться в ином, более благоприятном для нее направлении.

Summary

Ya. Ya. Grishin. The Bulgarian Vector of the Soviet Foreign Policy. 1940 – March 1941 (Through the Pages of Documents).

The article is dedicated to USSR–Bulgaria relations, which are analyzed within the context of the Soviet Union's attempts at a rapprochement between the two countries. Bulgarian foreign policy is shown as conducive to the country's subsequent joining the Nazi Germany camp.

Key words: Bulgaria, USSR, Southern Dobruja, Molotov, Lavrishev, Popov.

Источники

- Д – Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. – М.: Междунар. отн., 1995. – Т. XXIII, кн. 1: 1 янв. – 31 окт. 1940. – 752 с.
- В – Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг.: Стат. сб. – М.: Внешторгиздат, 1960. – 1135 с.
- Д2 – Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. – М.: Междунар. отн., 1998. – Т. XXIII, кн. 2, ч. 1: 1 нояб. 1940 – 1 марта 1941. – 448 с.
- ВП – Внешняя политика СССР: Сб. док. – М., 1946. – Т. IV: 1935 – июнь 1941. – 647 с.
- Д3 – Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. – М.: Междунар. отн., 1998. – Т. XXIII, кн. 2, ч. 2: 2 марта 1941 – 22 июня 1941. – 448 с.

Литература

1. *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. – София, 1968. – Т. LXI, кн. III. – С. 365–390.
2. История международных отношений: в 2 т. – Н. Новгород, 2010. – Т. 1: Характеристика основных тенденций развития. – 620 с.
3. История южных и западных славян. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 688 с.
4. *Никова Г.* Историческая судьба Болгарии между Германией и Советским Союзом // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 275–284.
5. Освободительная миссия Советских Вооруженных сил во второй мировой войне / Под ред. А. Гречко. – М.: Политиздат, 1974. – 502 с.
6. *Сирков Д.* Външна политика на България, 1938–1941. – София: Наука и изкуство, 1979. – 343 с.
7. *Тошкова В.* България и Третият райх (1941–1944). Политически отношения. – София: Наука и изкуство, 1975. – 257 с.
8. Мир в Нейи / Под ред. Ю.В. Ключникова, А.В. Сабанина. – М.: Литиздат НКВД, 1926. – 120 с.

Поступила в редакцию
30.05.12

Гришин Яков Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: grishin.42@mail.ru